

Формальные и неформальные работники на российском рынке труда: сравнительный анализ самооценок социального статуса¹

А.А. ЗУДИНА

Изучению последствий неформальной занятости для социального неравенства посвящены многие экономические и социологические исследования. Неоднородная структура видов деятельности, объединяемых в категорию неформальной занятости, определяет и неоднозначность ее последствий для экономики и общества. В то время как предшествующие исследования были сосредоточены на изучении отдельных, не связанных друг с другом показателей, что затрудняло сопоставление полученных результатов, в настоящем исследовании предлагается новый подход, основанный на изучении различных показателей субъективного социального статуса, который ранее широко не использовался в исследованиях неформальной занятости. Тем самым предпринимается попытка расширить рамки анализа при помощи показателей, которые могут более полно охватить все многообразие возможных последствий неформальной занятости для социального положения работников.

Ключевые слова: неформальная занятость, субъективный социальный статус, самозанятость, социальная стратификация, социальное неравенство, мобильность

В современном мире сфера занятости остается одной из ключевых областей, определяющих особенности формирования самоидентификации человека, выстраивания его социальных связей, интеграции в общество [World Development Report... 2012]. Одним из исследовательских направлений, отмечающих ключевую роль профессии и сферы занятости, являются исследования социальной стратификации. Профессия и занятие составляют не только часть объективного социального статуса индивида [см., к примеру, *Rose, Pevalin 2001*], но и его представления о своем месте в обществе, т.е. самооценки социального статуса [*Centers 1949; Murphy, Morris 1961; Goldman, Cornman, Chang 2005; Lindemann 2007; Gross 2003*]. Однако такая важная характеристика современной занятости как ее (не)формальный ха-

¹ Автор отмечает поддержку Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, а также выражает признательность за ценные замечания и комментарии А.Р. Бессуднову, В.Е. Гимпельсону, И.Ф. Девятко, Р.И. Капелюшникову, В.С. Магуну и С.Ю. Рошину.

раक्टर до этого не рассматривалась широко в литературе, посвященной изучению факторов субъективного социального статуса. Между тем данное направление изучения становится все более перспективным по мере того, как уровень неформальной занятости возрастает во многих странах [Perry, Maloney, Arias, Fajnzylber, Mason, Saavedra-Chanduvi 2007; Andrews, Caldera Sánchez, Johansson 2011] и изучение ее последствий для социально-экономического положения вовлеченных в нее работников становится более актуальным.

Понятие субъективного социального статуса используется в исследовательской литературе для обозначения самооценки индивидами своего положения в социальной иерархии, отображаемой с помощью набора соответствующих шкал. Он формируется под воздействием целого комплекса различных экономических, социально-демографических, профессиональных и ценностных характеристик. В свою очередь восприятие индивидом себя на том или ином уровне шкалы может влиять и на его поступки в различных сферах [Lindemann 2007], а увеличение численности людей с низкими оценками собственного социального положения ведет к росту социальной напряженности и конфликтности в обществе. Показатели субъективного социального статуса до сих пор практически не использовались в исследованиях неформальной занятости, и в данной работе представлена попытка исправить это упущение².

Традиционная оценка последствий неформальности для работников основывается на сравнении величин доходов в соответствующих состояниях. Однако этот подход имеет свои ограничения; и дело не только в том, что доходы неформально занятых недостаточно удовлетворительны. Важнее то, что качество трудовой деятельности и жизни в целом не сводится только к денежным индикаторам оплаты труда. Сфера труда во многом определяет положение индивида в социальной структуре в современном обществе, а поэтому имеет смысл расширить анализ за счет включения в него субъективного социального статуса.

Основная цель данной работы заключается в сравнительном анализе субъективного социального статуса формальных и неформальных работников в России; для этого будет рассмотрено, как различные состояния на рынке труда влияют на соответствующие самооценки при прочих равных условиях и вызывает ли смена статуса формальности/неформальности изменения в них.

Субъективный социальный статус в исследованиях социальной стратификации

Исходная гипотеза в рамках данного исследования состоит в том, что деление на формальную и неформальную занятость в России дифференцирует работников по субъективному социальному статусу. Согласно ей, неформальные работники отличаются более низким уровнем самооценок социального статуса на фоне более благополучных представителей формальной занятости. Тем самым неформальность на рынке труда выступает стратифицирующим (и «понижающим») механизмом,

² Самооценки социального статуса использовались Б. Темкиным при изучении неформальной самозанятости в Мексике [Temkin 2009], но они не были центральной темой исследования.

«разносящим» индивидов по разным ступеням социальной лестницы, но расположенным ниже базового уровня для формальных работников.

Но что такое субъективный социальный статус в инструментальном смысле? Это условный конструкт, отражающий восприятие индивидом собственного места в социальной иерархии [Jackman, Jackman 1973]; он характеризует положение индивидов в обществе и широко используется при изучении социальной стратификации [Lewis 1964; Ossowski 1963; Leggett 1963; Jackman, Jackman 1973; Laumann, Senter 1976] и предоставляет важную информацию о социальной структуре и социальной динамике, которая не исчерпывается сухими характеристиками денежных доходов и материального благосостояния. Так, люди, оценивающие свое социальное положение определенным образом, в своем поведении зачастую следуют тем практикам, которые оказываются принятыми среди представителей схожего с ними социального статуса. Такие практики из самых разных сфер (круг общения, потребление определенных товаров и услуг, способы проведения досуга, выбор образования для детей) образуют их стиль жизни и, в свою очередь, влияют и на электоральные предпочтения, восприятие легитимности экономической и политической системы [Della Fave 1980; Shepelak 1987].

Изучение субъективного социального статуса имеет долгую традицию в эмпирической социологии, восходящую к исследованию Р. Центерса [Centers 1949], в рамках которого респондентов просили оценить свое положение в предложенном континууме иерархически выстроенных классов³. Современные методики изучения субъективного социального статуса не используют категорию «класса», это облегчает межстрановые сопоставления результатов (хотя и не решает методологических проблем интерпретации результатов) и позволяет исключить возможные смещения, связанные с использованием таких идеологизированных понятий как «рабочий класс» или «средний класс» [Goldman, Cornman, Chang 2005]. Примером является континуум из 10 абстрактных позиций-«ящиков» [Kelley, Evans 1995] или визуальная 10-ранговая шкала субъективного социального статуса МакАртура [Adler, Epel, Castallazzo, Ickovics 2000]. Для более подробного изучения особенностей восприятия социальной стратификации исследователи используют также самооценки, полученные при ответах на вопросы о нескольких различных аспектах социального положения (субъективная классовая принадлежность согласно уровню влияния на других, стилю жизни, доходу, профессии) [Kluegel, Singleton, Starnes 1977].

Техники и методики, используемые для измерения субъективного социального положения, регулярно подвергаются критике. Один из наиболее серьезных аргументов, выдвигаемых исследователями социальной стратификации, состоит в том, что формулирование адекватных прямых вопросов о восприятии системы социального неравенства представляется невозможным из-за множества латентных аспектов социального неравенства, которые остаются неучтенными. Другое направление критики направлено против основной предпосылки о том, что субъективные оценки отображают реально существующую систему социальных пози-

³ Здесь важно отметить, что предложенное М. Вебером понимание социального статуса как субъективной оценки собственного положения в иерархии престижа в определенной степени пересекается с концептом «субъективного социального статуса». Однако сторонники описываемого подхода используют понятие субъективного социального статуса в обобщенном виде – для интегрального анализа положения в социальной системе, которое не исчерпывается атрибутами престижа.

ций. Исследователи указывают на то, что прямые вопросы создают, а не выявляют представления респондентов по поводу социальной стратификации, которых до момента опроса просто не существовало [Laumann, Senter 1976].

Помимо исследований социальной стратификации как таковой, субъективный социальный статус регулярно используется в междисциплинарных исследованиях экономистов, социальных психологов и психиатров, выступая в качестве объясняющей или объясняемой переменной.

К примеру, отдельное широкое направление подобных междисциплинарных исследований представляет собой изучение взаимосвязи между субъективным социальным статусом и объективными и субъективными показателями физического и психического здоровья [Adler, Epel, Castellazzo, Ickovics 2000; Demakakos, Nazroo, Breeze, Marmot 2008, Sakurai, Kawakami, Yamaoka, Ishikawa, Hashimoto 2010] и отношением к здоровому образу жизни [Shankar, McMunn, Steptoe 2010; Reitzel, Mazas, Cofta-Woerpel, Vidrine, Businelle, Kendzor, Li, Cao, Wetter 2007]. В рамках данного направления, посвященного социальному неравенству в области здоровья, было установлено, что самооценки здоровья и многие физиологические особенности (частота сердечных сокращений, латентность сна, распределение массы тела, полнота) оказываются в большей степени связаны именно с субъективным социальным статусом индивидов, чем с объективными индикаторами статуса (уровень образования, доход домохозяйства, профессия), и эта связь остается значимой даже при одновременном контроле субъективного и объективного социального статуса [Adler, Epel, Castellazzo, Ickovics 2000]. Была выявлена и устойчивая значимая связь между субъективным социальным статусом и аддиктивным потреблением. Так, низкий субъективный социальный статус оказывается более значимой детерминантой курения и потребления алкоголя в старших возрастах, чем низкий уровень образования [Shankar, McMunn, Steptoe, 2010], а также увеличивает вероятность возврата к практике курения.

Исследования субъективного социального статуса также позволили установить, что показатели социального положения могут рассматриваться в качестве косвенных индикаторов макроэкономической ситуации. К таким выводам пришли исследователи из Венгрии, обнаружив значимую сильную связь между показателями низкого социального статуса женщин и уровнем смертности мужчин средних возрастов. При этом воздействие субъективного социального статуса женщин на смертность мужчин среднего возраста оказалась более сильным, чем влияние характеристик самих мужчин – их образование, доход и субъективный социальный статус. По мнению исследователей, выявленная взаимосвязь свидетельствовала о том, что чувство сильной социально-экономической депривации среди женщин является производной от общей неблагоприятной экономической ситуации в регионе, которая приводила к невозможности для них найти работу, в результате чего вся ответственность за содержание семьи ложилась на мужчин, что увеличивало их психологические нагрузки и уровень стресса [Kopp, Skrabski, Kawachi, Alder 2005].

Исследований субъективного социального статуса, выполненных по России, немного. Россияне начала 1990-х гг. отличалась относительно невысоким уровнем субъективного социального статуса: его средние оценки в 1991 и 1996 гг. составляли приблизительно 4 балла по 10-балльной шкале [Gross 2003]. Аналогичные результаты были получены и на данных проекта Международного исследования неравенства – средние оценки российских респондентов были сосредоточены

в нижней части шкалы (38 из 100 баллов). Это согласовывалось с оценками, полученными по другим переходным странам, в то время как самооценки респондентов из англосаксонских стран и стран континентальной Европы располагались выше (48–69 баллов) [Kelley, Evans 2004]. Примечательно, что распределение самооценок статуса в переходных странах также было скошено вниз, отличаясь от распределения для западных стран, пик распределения которых приходился на середину шкалы⁴.

Изучение факторов субъективного социального статуса развивалось в рамках двух основных исследовательских направлений. Первое, опирающееся на теорию К. Маркса о классовом сознании и представлениях Э. Дюркгейма о разделении труда, предполагает, что объективные характеристики индивида полностью определяют самооценки его социального положения [Kelley, Evans 2004]. Среди значимых факторов такого вида, выявленных в рамках эмпирических исследований, можно выделить уровень образования, статус занятости, профессию или профессиональный престиж, доход, возраст, национальность [Goldman, Cornman, Chang 2005; Lindemann 2007; Ostrove, Adler, Kuppermann, Washington 2000]. Второе, основывающееся на теории референтных групп, исходит из того, что при определении собственного положения в общественной структуре индивиды ориентируются не столько на собственные объективные характеристики, сколько на представителей референтных групп. К факторам этого вида можно отнести оценку отношения своего социального положения к позициям, занимаемым представителями референтной группы, уровень притязаний, а также котировку потенциальной динамики собственного благосостояния [Kelley, Evans 1995; Lindemann 2007]. Однако важно отметить, что влияние субъективных факторов на самооценки социального положения сопряжено с возможными смещениями [Kluegel, Smith 1981].

Как показывают исследования, наиболее значимыми факторами субъективного социального статуса являются профессия, удовлетворенность материальным положением, доход домохозяйства, чувство финансовой защищенности и образование [Singh-Manoux, Adler, Marmot 2003]. И значение дохода как одного из факторов субъективного социального положения в западных обществах значительно увеличилось в течение последних десятилетий. Исследователи объясняют это его возросшей ролью в определении стиля жизни в контексте развития ценностей общества потребления [Lindemann 2007].

Влияние объективных характеристик на самооценки социального положения значительно варьируется по странам [Gross 2003]. К примеру, уровень образования менее значим в детерминации субъективного социального статуса в Великобритании, США и России по сравнению, например, с Венгрией. Наибольшее же значение в детерминации самооценок социального положения образование имеет в скандинавских странах и странах континентальной Европы [Knudsen 1988; Gross 2003]. Профессия и положение на рынке труда традиционно рассматриваются в качестве ключевых детерминант субъективных оценок социального статуса наряду с образованием и уровнем дохода [Jackman 1979], однако их значимость оказывается выше в англосаксонских странах по сравнению с другими странами Запада [Gross 2003]. Анализировалась также и влияние таких характеристик как

⁴ Это согласуется и с результатами изучения неравенства в странах с растущей экономикой, представленными в докладе OECD, согласно которым в России наблюдался значительный рост неравенства с начала 2000-х гг. [Special focus... 2011].

доступ к средствам производства, наличие собственности, профсоюзное членство, социально-экономический статус друзей и партнера, национальность, религиозная принадлежность, наличие и характеристики детей [Goldman, Cornman, Chang 2005; Brown, Adler, Worthman, Copeland, Costello, Angold 2008; Franzini, Fernandez-Esquer 2006].

Приведенный выше краткий обзор исследований, использующих самооценки социального положения в качестве методологического инструмента, показывает, что они берутся на вооружение исследователями для решения самых разных задач, представляя собой важный индикатор положения индивидов в обществе, который расширяет возможности его определения, измерения и понимания. А их изучение во взаимосвязи с другими микро- и макроэкономическими показателями позволяет ученым проводить всесторонний анализ состояния экономики и общества

Неформальная занятость ранее широко не рассматривалась в качестве возможного фактора самооценок социального положения, однако она может оказывать значимое влияние на особенности восприятия социального положения, являясь характеристикой положения индивида на рынке труда, и тем самым участвовать в формировании социальной стратификации. В следующих разделах будет рассмотрено, как неформальная занятость связана с заработками и различными самооценками работников, а также будут представлены методология настоящего исследования и результаты анализа связи неформальной занятости и формирования представлений о своем месте в российском обществе.

Последствия неформальной занятости для социального положения: что говорят исследования

Научная литература дает различные оценки неформальной занятости. С одной стороны, она является социально-уязвимой, часто сопряжена с плохими условиями труда, низкой зарплатой и нестабильным положением; в этом случае можно ожидать снижения самооценок социального статуса. С другой стороны, она может стать добровольным выбором, обеспечивать сопоставимый или даже более высокий доход, большую автономию, гибкий график работы, возможность начать предпринимательскую деятельность. Такая занятость может повышать субъективный статус, создавая у работника ощущение относительного благополучия. Возможен и третий вариант, когда между неформальным положением на рынке труда и самоидентификацией внутри социальной стратификации отсутствует какая-либо значимая связь.

Всю совокупность исследований, оценивающих последствия неформальности для индивида, можно разделить на две группы в зависимости от того, берется ли за основу объективный или субъективный индикатор. К первому направлению можно отнести исследования, направленные на сравнение показателей заработков, ко второму – те, в которых изучались и сравнивались разнообразные самооценки неформальных и формальных работников. По-видимому, выводы о сравнительных преимуществах одного из секторов необязательно должны совпадать; можно предположить, что при равенстве показателей денежного вознаграждения неденежная полезность от работы может сильно различаться.

Сравнение заработков

Как отмечают С. Бернабе и Г. Филдс, средний размер заработка в неформальном секторе, как правило, оказывается ниже, чем в формальном [Bernabe 2002; Fields 1990]. Однако У. Мэлони подчеркивает неоднородность самого сектора неформальной занятости и принципиальные различия, существующие между двумя категориями неформально занятых – самозанятыми и наемными работниками, проявляющиеся в добровольности/недобровольности перехода в сектор неформальной занятости и последствиях этого перехода с точки зрения изменения уровня материального благосостояния. Самозанятые чаще всего добровольно совершают переход в сектор неформальной занятости и часто выигрывают с точки зрения уровня заработков, в то время как наемные работники, вынужденно совершающие переход из формального сектора, зарабатывают меньше [Maloney 2004]. Таким образом, неоднородность структуры самой неформальной занятости находит свое выражение в значительной вариации заработных плат.

Так, в странах Латинской Америки разрыв в почасовой заработной плате между неформальными и формальными наемными работниками колеблется от 40% до 66%, в то время как по самозанятым наблюдаются различия даже в характере разрыва. Самозанятые зарабатывают на 60% меньше, чем формальные наемные работники в Боливии, на 28% меньше в Аргентине и имеют небольшое преимущество в зарплате в Доминиканской Республике.

Одновременно с этим разрывы в заработной плате отличаются и на рабочих местах с разной оплатой. К примеру, разрывы в заработной плате между формальными и неформальными наемными работниками, занятыми на низкооплачиваемых рабочих местах, оказываются больше, чем разрывы, наблюдающиеся на высокооплачиваемых рабочих местах [Perry, Maloney, Arias, Fajnzylber, Mason, Saavedra-Chanduvi 2007]. Подобные результаты также были получены при анализе рынков труда Бразилии [Tannuri-Pianto, Pianto 2002; Bargain, Kwenda 2009], Мексики, Южной Африки [Bargain, Kwenda 2009] и Турции [Tansel, Kan 2012]. В свою очередь низкооплачиваемые самозанятые Боливии, Аргентины и Доминиканской Республики зарабатывают меньше, чем формальные наемные работники. Одновременно с этим заработки низкооплачиваемых неформальных наемных работников оказываются немного выше заработной платы низкооплачиваемых самозанятых в Аргентине и Боливии, но среди высокооплачиваемых категорий занятых ситуация обратная [Perry, Maloney, Arias, Fajnzylber, Mason, Saavedra-Chanduvi 2007]. В Турции зарплаты низкооплачиваемых наемных работников и самозанятых оказываются примерно на одном и том же уровне [Tansel, Kan 2012].

При простом оценивании величины разрыва в зарплате неучтенное влияние самоотбора на определенные рабочие места, ненаблюдаемые характеристики работников и различия в отдаче на одни и те же знания и способности на формальных и неформальных рабочих местах не позволяют говорить о том, что представители неформальной занятости зарабатывают меньше формальных работников. Для проведения более точного анализа исследователи проводят декомпозицию разрывов в заработной плате при помощи регрессионного анализа.

Результаты такого анализа, проведенного для Аргентины, Боливии и Доминиканской Республики, показали, что значительная часть разрыва в зарплате среди формальных и неформальных наемных работников объясняется неравной оплатой

за равные способности. Похожая ситуация характерна и для самозанятых Аргентины и Боливии, исключение составляют только высокооплачиваемые самозанятые. Разрыв в зарплате между ними и высокооплачиваемыми формальными наемными работниками объяснялся исключительно разницей в их характеристиках: в Доминиканской Республике разница в заработной плате между формальными наемными работниками и самозанятыми направлена в пользу самозанятых и не объясняется индивидуальными характеристиками работников. Такая «премия» за самозанятость наблюдается на протяжении всей шкалы заработных плат и связана с успешно развивающимися секторами туризма и строительства в условиях гибкого доминиканского рынка труда [Perry, Maloney, Arias, Fajnzylber, Mason, Saavedra-Chanduvi 2007].

В свою очередь изучение декомпозиции разрывов в заработной плате городских занятых Китая показало, что большая часть (более 79%) различий в зарплате между формальными и неформальными наемными объясняется разницей в индивидуальных характеристиках работников, в то время как различия между самозанятыми и формальными работниками связаны с индивидуальными характеристиками полностью [Qu 2012]. Декомпозиция зарплат формальных и неформальных работников в Турции показала, что различия в заработках полностью зависят от индивидуальных характеристик работников, что свидетельствует об отсутствии сегментации турецкого рынка труда [Tansel, Kan 2012].

Анализ заработных плат в переходных странах зачастую приводит к другим результатам: так, О.В. Синявская сравнивала уровни дохода неформальных и формальных работников в России в 2000-е гг. и выяснила, что средняя зарплата представителей неформальной занятости оказывается выше, чем зарплата формальных работников, в то время как представители нерегулярной занятости зарабатывают меньше всех [Синявская 2005]. Используя данные РМЭЗ-НИУ ВШЭ за 1990-е гг., Д. Брэйтуайт и А. Колев обнаружили в России высокие зарплатные премии за дополнительную работу (в рамках которой зачастую осуществляется именно неформальная занятость) [Braithwaite 1994; Kolev 1998]. В Таджикистане декомпозиция зарплат формальных и неформальных работников выявила значительную премию за неформальность на протяжении всего распределения зарплат. По мнению авторов, это указывает на то, что неформальная занятость в настоящий момент является основным источником дохода занятых Таджикистана [Reza Arabsheibani, Staneva 2012].

При обсуждении результатов сравнения уровня доходов важно подчеркнуть значительные сложности, возникающие при прямом сравнении заработков в формальном и неформальном секторах, которые связаны с невозможностью учета всех неденежных потерь и выгод, связанных с неформальностью [Maloney 2004]. С одной стороны, работа в секторе неформальной занятости сопряжена с рисками создания собственного бизнеса, отсутствием вовлеченности в систему социального страхования и пенсионную систему, которые в принципе должны компенсироваться более высоким уровнем заработков. С другой стороны, она также предполагает отсутствие необходимости платить налоги, тем самым оплачивая производство общественных благ, гибкость занятости и возможность «работать на себя», которые могут выступать значительными неденежными преимуществами неформальной самозанятости. Неформальные наемные работники также могут выигрывать с точки зрения таких неденежных преимуществ как бесплатная еда, жилье и профессиональное обучение на рабочем месте, которые могут предостав-

ляться работодателем и затраты на которые компенсируются меньшим уровнем заработной платы по сравнению с формальным сектором. Другой сложностью проведения сравнительного анализа остается необходимость учета всех наблюдаемых и ненаблюдаемых характеристик работников для точного учета компенсирующих различий между формальными и неформальными работниками. Однако даже корректно измеренные разрывы в заработной плате также могут привести к смещенным результатам сравнительного анализа, т.к. заработок наиболее высокооплачиваемых неформальных работников при переходе в формальную занятость может значительно уменьшиться; в этом отношении Мэлони подчеркивает особую необходимость в совместном изучении объективных и субъективных индикаторов [Maloney 2004].

Анализ самооценок

Набор *субъективных показателей*, использовавшихся для изучения последствий неформальной занятости, включает в себя самооценки принадлежности к социальному классу, благосостояния, страха безработицы, а также удовлетворенности жизнью и трудом.

Единственное исследование, в котором ранее анализировался субъективный социальный статус неформальных работников, было посвящено изучению самозанятости в Мексике [Temkin 2009]. Согласно ему, большинство самозанятых (43%) и неформальных наемных работников (42%) относили себя к низшему среднему классу, причем такая же ситуация наблюдалась и среди формальных работников (44%). Доля самозанятых, отнесших себя к низшему классу, была значительно больше (19%) по сравнению с неформальными работниками по найму (9%) и формальными работниками (4%). Среди представителей неформальной занятости доля тех, кто причислял себя к высшему среднему классу, была значительно ниже – 25% среди неформальных работников по найму и 16% неформальных самозанятых против 34% формальных работников. Таким образом, самозанятые в Мексике оценивали свой социальный статус ниже, чем неформальные работники по найму. Остальные самооценки самозанятых также были значительно ниже (удовлетворенность экономическим положением домохозяйства, возможность отложить средства на будущее, способность контролировать свою жизнь). По мнению Темкина, самозанятость в Мексике является, скорее, способом выживания, чем протопредпринимательской практикой. Это не согласуется с ранее полученными результатами по Мексике [см., например, Maloney 2004], которые свидетельствовали об относительном благополучии самозанятых, однако выводы самого Темкина основывались исключительно на дескриптивном анализе таблиц распределения, что не позволяет в полной мере сопоставлять их с результатами более строгих исследований.

Исследования удовлетворенности трудом показали, что разница в оценках между различными категориями работников в разных странах Центральной и Латинской Америки варьируется достаточно сильно [Pages, Madrigal 2008]. К примеру, чилийские самозанятые испытывают такой же уровень удовлетворенности трудом, что и формальные работники. По мнению авторов исследования, положительные (независимость) и отрицательные (отсутствие защиты занятости,

неблагоприятные условия труда) характеристики самозанятости в Чили, влияющие на удовлетворенность трудом, в данном случае компенсируют друг друга [Cassar 2010]. При этом в тех странах, где различия наблюдаются, их направление одинаково – представители формального сектора испытывают большую удовлетворенность трудом по сравнению с неформальными работниками [Perry, Maloney, Arias, Fajnzylber, Mason, Saavedra-Chanduvi 2007]. Аналогичный вывод оказался верен и для Вьетнама [Wachsberger, Razafindrakoto, Roubaud 2010]. Иная ситуация наблюдается в Африке: неформальные самозанятые (владельцы собственных микро-бизнесов) оценивали свою удовлетворенность трудом значительно выше, чем формальные работники, указывая на то, что самозанятость является одним из наиболее привлекательных типов занятости. Похожие показатели среди неформальных наемных работников и самозанятых-одиночек также были относительно велики. Неденежные выгоды формальной занятости, как оказалось, не являлись факторами удовлетворенности трудом [Falko 2012].

Что касается ситуации в России, то А.В. Аистов, А.В. Ларин и Л.А. Леонова, основываясь на данных РМЭЗ-НИУ ВШЭ за 1998–2009 гг., показали: незарегистрированная занятость по найму сопровождается значимым ухудшением самооценок удовлетворенности работой и жизнью [Аистов, Ларин, Леонова 2012; Аистов, Леонова 2011]; это подтверждает исходные представления о незащищенности данной группы. Однако другая важная составляющая неформальной занятости – самозанятость – авторами не рассматривалась.

Результаты исследований субъективной оценки собственного материального положения неформальных работников также значительно варьируются в зависимости от страны, в которой они проведены. К примеру, в Аргентине неформальные наемные работники в целом оценивают свое материальное положение хуже, чем наемные работники формального сектора, даже при контроле таких характеристик как собственный трудовой доход и доход других членов семьи; в Доминиканской Республике различий в субъективных оценках благосостояния между неформальными и формальными наемными работниками не наблюдается. Одновременно с этим самозанятые в Аргентине оценивают свое материальное положение на одном уровне с формальными работниками, в то время как в Доминиканской Республике различий между всеми тремя категориями занятых на рынке труда практически нет [Perry, Maloney, Arias, Fajnzylber, Mason, Saavedra-Chanduvi 2007]. Аргентина является одной из наиболее развитых латиноамериканских стран, где формальный сектор рынка труда способен обеспечить работников как более высоким уровнем заработной платы, так и определенным уровнем социальной защиты. В более бедной аграрно-индустриальной стране подобные различия в условиях занятости между секторами могут либо совсем отсутствовать, либо быть сугубо номинальными. При этом самозанятость и микропредпринимательство, предполагающие уклонение от уплаты налогов, в более экономически развитых странах могут приводить к повышению уровня собственного благосостояния, который будет отсутствовать в странах с менее развитой экономикой.

Взаимосвязь между субъективным благополучием и неформальной занятостью изучалась и в различных странах с переходной экономикой. На данных по Албании было показано, что для большинства представителей неформальной занятости она сопряжена со снижением субъективного благосостояния. Это согласуется с результатами, полученными в Польше [Molnar, Kapitan 2010]. В то же время небольшая подгруппа неформально занятых в Албании все же демонстрировала

большую удовлетворенность своим финансовым положением по сравнению с занятыми в формальном секторе. Основной причиной этого являлось различие в восприятии возможности неуплаты налогов – неформальные работники, которые считали, что неуплата налогов в настоящий момент не отразится негативно на их материальном положении в будущем, оценивали свое субъективное благополучие выше по сравнению с теми, кто рассчитывал на последующее обеспечение в рамках системы социальной защиты [Ferrer-i-Carbonell, Gerxani 2011].

В России изучение взаимосвязи между субъективным благополучием и неформальной занятостью привело к прямо противоположным результатам: согласно исследованию М. Бойран и Е. Калугиной, проведенному на основе данных РМЭЗ-НИУ ВШЭ за 1994–2003 гг., неформальная занятость не оказывает отрицательного эффекта на субъективное социальное положение неформально занятых [Beuran, Kalugina 2006]. В то же время неформальные работники демонстрируют более высокий уровень уверенности в возможности найти работу, чем работники формального сектора [Синяевская 2005].

Подводя промежуточный итог, можно сделать вывод о том, что вопрос о взаимосвязи между неформальностью и разнообразными самооценками, при помощи которых исследователи пытались оценить последствия неформальности, остается открытым. В качестве предварительного вывода, нуждающегося в дальнейшей проверке, можно утверждать, что в более благополучных странах самооценки неформальных работников по найму оказываются ниже, чем самооценки формальных работников. При этом самооценки самозанятых зачастую являются более высокими, чем самооценки неформальных работников по найму. В менее развитых странах, где различия в условиях занятости между формальными и неформальными рабочими местами являются часто только номинальными, различия самооценок также оказываются незначимыми.

Такое влияние уровня экономического развития на самооценки формальных и неформальных работников, при котором различия в самооценках между формальными и неформальными работниками должны становиться больше, возможно в нескольких ситуациях:

- если экономический рост транслируется в увеличение формальных высококвалифицированных рабочих мест (создание новых или реструктуризацию существующих), для которых при прочих равных должны быть характерны более высокие самооценки;
- если экономический рост связан с увеличением низкоквалифицированных неформальных рабочих мест, для которых при прочих равных должны быть характерны более низкие самооценки;
- если экономический рост оказывается связан с сокращением низкоквалифицированных формальных рабочих мест, то средние самооценки в формальном секторе будут возрастать, тем самым увеличивая разницу между формальным и неформальным сектором;
- если экономический рост приводит к сокращению относительно более квалифицированных неформальных рабочих мест, то средние самооценки в неформальном секторе будут падать, способствуя увеличению различий между формальным и неформальным типами занятости.

Анализ, представленный в предыдущих работах [Гимпельсон, Зудина 2011] и подтвержденный автором при изучении базы РМЭЗ-НИУ ВШЭ, показывает, что наблюдавшийся в 2000-е гг. в России экономический рост сопровождался увели-

чением численности неформальных работников по найму, которые в значительной степени представляют собой низкоквалифицированную часть неформальной занятости в России. На основе этого можно выдвинуть гипотезу о том, что самооценки формальных и неформальных работников должны значимо различаться между собой, при этом неформальная занятость будет характеризоваться более низким уровнем самооценок социального статуса.

Эмпирическая база исследования и методология анализа

Эмпирической базой настоящего исследования являются данные РМЭЗ-НИУ ВШЭ за 2000–2010 гг.; их панельный характер позволяет анализировать перемещения работников на рынке труда и связанные с ними изменения в субъективном социальном статусе.

В определении статуса неформальной занятости автор опирается на схему, разработанную Ф. Слонимчиком [*Slonimczyk 2011*], которая предполагала комбинирование ответов на вопросы о типе организации и форме деятельности (работа на предприятии, в организации; работа по найму у физического лица; собственное дело); и наличии или отсутствии официального оформления (письменных трудовых контрактов у наемных работников). Согласно этой схеме следующие группы работников были отнесены к неформальной занятости:

- самозанятые⁵;
- неформальные предприниматели;
- неформальные наемные работники на предприятиях;
- неформальные работники по найму у физических лиц;
- нерегулярные работники.

Согласно алгоритму построения категории неформальных работников, все занятые, которые не работали в рамках какого-то предприятия или организации, были включены в категорию неформально занятых. На следующем этапе они разделялись на две подгруппы в соответствии с ответами на вопрос о характере их трудовой деятельности – самозанятых и занятых по найму у физических лиц. Респонденты, указавшие, что они работают на предприятии или в фирме, были отнесены к категории неформальных работников в том случае, если их трудовые отношения не были юридически оформлены – у них отсутствовал письменный трудовой контракт⁶. Работники без юридического оформления трудовых отношений делились на две категории – неформально занятые по найму и неформальные предприниматели: первые работали по найму на предприятии и не имели трудового договора или контракта, вторые занимались предпринимательской деятельностью на собственном предприятии, но их деятельность не была юридически оформлена. В категорию нерегулярных (случайных) работников были отнесены респонденты, которые не имели основной работы, но указали, что были заняты

⁵ Формальные самозанятые были отнесены к работникам формального сектора, однако в каждой волне их доля в общей численности формальных работников была невелика, составляя 1,3–1,9%.

⁶ В 2001 г. вопрос о наличии письменного контракта отсутствовал в базе данных РМЭЗ-НИУ ВШЭ, поэтому соответствующая группа неформальных работников отсутствует в итоговом показателе неформальной занятости за этот год.

хотя бы раз за последние 30 дней (к примеру, шили что-то на продажу или подвозили кого-то на машине, но при этом не имели основной работы).

На последнем этапе различные подгруппы неформально занятых были объединены: к группе неформальных предпринимателей были отнесены руководители незарегистрированных фирм и самозанятые; к группе неформальных наемных работников – неформально занятые по найму на предприятиях и занятые по найму у физических лиц; категория нерегулярно занятых анализировалась отдельно.

Для измерения субъективного социального статуса использовались пять показателей самооценок, содержащиеся в анкете РМЭЗ-НИУ ВШЭ; три из них измерялись по 9-балльной шкале: по шкале субъективного благосостояния; по шкале субъективной власти; по шкале субъективного уважения⁷. Их использование следует традиции многопараметрического понимания социального неравенства, заложенной М. Вебером [*Weber 1966*]; они соответствуют субъективным оценкам трех осей социального неравенства, которые являются определяющими при формировании положения в социальной иерархии – материального благосостояния, власти и уважения (престижа).

Еще две характеристики описывают «материальную» составляющую статуса с помощью 5-балльной шкалы: уверенность в возможности обеспечить минимальный уровень материального благосостояния в ближайшем будущем и удовлетворенность текущим материальным положением⁸. Они также вписываются в эмпирическую традицию изучения социального статуса [*Singh-Manoux, Adler, Marmot 2003*]. Первый из этих двух индикаторов характеризует оценку собственных возможностей и жизненных шансов, которые являются важной составляющей формирования статусных групп в веберовском понимании. Второй можно проинтерпретировать как косвенный индикатор соответствия собственных притязаний и достигнутого уровня благосостояния. Оно также формируется под воздействием ожиданий изменений благосостояния в будущем, тем самым участвуя в определении текущего субъективного социального статуса [*Alwin 1987*].

Все отобранные индикаторы были проверены при помощи традиционных тестов на предмет их надежности и критериальной валидности на данных волны РМЭЗ-НИУ ВШЭ за 2008 г. Значение индекса α -Кронбаха составило 0,7, что свидетельствует о достаточной внутренней согласованности отобранных индикаторов и позволяет использовать их в качестве показателей субъективного социального статуса.

⁷ Точные формулировки вопросов выглядят следующим образом: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?»; «А теперь представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней ступени стоят совсем бесправные, а на высшей – те, у кого большая власть. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?»; «И еще одна лестница из 9 ступеней, где на нижней ступени находятся люди, которых совсем не уважают, а на высшей – те, кого очень уважают. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?»

⁸ Точные формулировки вопросов выглядят следующим образом: «Насколько Вас беспокоит то, что Вы не сможете обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?»; «Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время?». Обзор эмпирических исследований показывает, что последний показатель часто рассматривается как фактор субъективного социального статуса [*Singh-Manoux, Adler, Marmot 2003*]. Однако в рамках настоящего исследования он используется наравне с другими индикаторами в качестве одной из составляющих статуса, т.к. изучение взаимосвязи между различными субъективными оценками сопряжено с большими смещениями из-за возможности обратного влияния.

Статус на рынке труда анализировался в качестве возможного фактора субъективных оценок социального положения при контроле различных социально-демографических характеристик и особенностей занятости в два этапа. На *первом* – были оценены порядковые пробит-модели (ordered probit) на каждой из одиннадцати волн РМЭЗ-НИУ ВШЭ. Зависимая переменная (в качестве которой выступает последовательно каждый из пяти отобранных индикаторов субъективного социального статуса) в оцениваемых моделях могла принимать 5 или 9 упорядоченных значений в соответствии с типом шкалы.

В основе модели лежит предположение о том, что точное значение интересующего нас параметра y^* , который измеряется при помощи зависимой переменной, является на самом деле ненаблюдаемым. Вместо него имеются только значения y , который представляет собой упорядоченные категории-«группировки» значений y^* .

$$y_i^* = \beta X_i + \varepsilon_i,$$

где y_i^* – точное, но ненаблюдаемое значение зависимой переменной для наблюдения i (например, точный уровень субъективного уважения) для наблюдения i , y_i – наблюдаемое значение зависимой переменной для наблюдения i , X_i – набор независимых объясняющих переменных, β – оценки параметров; ε_i – случайная ошибка, распределенная нормально.

Тогда:

$$y = \begin{cases} 0 & \text{if } y^* \leq 0, \\ 1 & \text{if } 0 < y^* \leq \mu_1, \\ 2 & \text{if } \mu_1 < y^* \leq \mu_2 \\ \dots & \dots \\ \dots & \dots \\ N & \text{if } \mu_{N-1} < y^*. \end{cases}$$

Техника порядкового пробита основана на использовании данных о значениях y , которые представляют собой цензурированную информацию о настоящем распределении значений y^* , для того чтобы получить оценки параметров β .

На *втором этапе* используется модель с фиксированными эффектами на панельных данных. Во-первых, полученные оценки при индикаторах неформальности в такой модели являются фактически оценками влияния изменений в положении на рынке труда на субъективный социальный статус. Во-вторых, она отчасти решает проблему смещения оценок из-за потенциального влияния ненаблюдаемых характеристик работников, приводящих к неслучайному отбору в определенный статус на рынке труда. Модель панельной регрессии с фиксированными эффектами основывается на предпосылке о том, что ненаблюдаемые эффекты постоянны во времени. Поэтому, наблюдая одних и тех же людей на протяжении определен-

ного периода, можно исходить из того, что контролируются и эти ненаблюдаемые (а потому прямо неизмеряемые) постоянные индивидуальные различия. Таким образом, можно получить несмещенные оценки интересующих параметров [Wooldridge 2002]. Если же ненаблюдаемые эффекты являются непостоянными во времени (к примеру, можно предположить, что склонность к риску имеет тенденцию уменьшаться с возрастом), то модель с фиксированными эффектами не подходит, и необходимо использование модели со случайными эффектами. Для проверки того, какая из моделей применима в каждом конкретном случае, как правило, используется тест Хаусмана.

Общая спецификация МНК-регрессии с фиксированными эффектами имеет следующий вид:

$$y_{it} = \alpha_i + X_{it}\beta + \varepsilon_{it},$$

где y_{it} – зависимая переменная для наблюдения i в момент времени t (одна из пяти самооценок социального статуса), X – набор независимых объясняющих переменных, β – оценки параметров, α_i – индивидуальный эффект наблюдения i , не зависящий от времени t , ε_{it} – случайная ошибка.

Эта модель была оценена на панели за 2000–2010 гг. для двух совокупностей: для всех категорий состояний на рынке труда (включая безработных и экономически неактивных) и только для занятых. В последней спецификации вводились дополнительные контролирующие переменные, касающиеся особенностей занятости (отрасль занятости, специфический стаж, наличие второй работы, логарифм часов рабочей недели), которые позволили более подробно проанализировать особенности восприятия собственного социального статуса неформальными работниками. Каждая из данных моделей оценивалась отдельно для мужчин и для женщин.

Формальный тест Хаусмана подтвердил предпочтительность использования модели с фиксированными эффектами по сравнению с моделью со случайными эффектами.

Важно отметить, что оценивание модели с фиксированными эффектами может хотя бы частично решить только ту часть проблем, связанных с возможной смещенностью оценок, которая связана с влиянием постоянных ненаблюдаемых индивидуальных характеристик. Однако остается другая часть проблемы смещенности, связанная с возможностью обратного влияния, т.к. ситуация, при которой резкое изменение субъективного социального статуса может привести к соответствующему изменению статуса на рынке труда, также возможна. Одним из возможных способов решения данной проблемы является метод инструментальных переменных. Модель Хаусмана-Тейлора, которая также оценивается на панельных данных, может частично ослабить эту проблему, т.к. в ее основу заложено использование панельной структуры данных для формирования инструментальных переменных (подробное описание и преобразование уравнений приводится в [Cameron, Trivedi 2005]). В рамках проведенного анализа автор оценивала модели Хаусмана-Тейлора для всех статусов на рынке труда и отдельно для занятых для проверки устойчивости результатов, полученных в рамках моделей с фиксированными эффектами.

Неформальные работники в России: социальное положение согласно собственным оценкам

Итак, с помощью эконометрического анализа автор сделает попытку выявить «чистый» вклад неформальности в формирование самооценок социального статуса. На базе каждой из одиннадцати волн РМЭЗ-НИУ ВШЭ были оценены пять моделей, различающихся видом самооценки социального статуса в качестве зависимой переменной. Набор контролируемых характеристик включал пол, возраст, состояние в браке, тип населенного пункта, образование, самооценку здоровья⁹, число детей в домохозяйстве, логарифм душевого дохода, статус студента, статус получателя пенсионного пособия, федеральный округ, статус на рынке труда. Последняя переменная принимала шесть различных значений (самозанятость, неформальная занятость по найму, нерегулярная занятость, формальная занятость, безработица, экономическая неактивность), а формальная занятость выбрана в качестве базовой категории.

Остановимся подробнее на результатах анализа¹⁰. По показателю *субъективно-го благосостояния* на протяжении всего периода 2000-х гг. наблюдались значимые отличия между самозанятыми и формальными работниками. Самозанятые ставили себя значимо выше по этой шкале, чем формальные работники, при прочих равных условиях. Отличия между другими группами работников, различающимися статусом на рынке труда, носят менее выраженный характер и не воспроизводятся от волны к волне. Неформальные наемные работники давали более низкие самооценки благосостояния только в 2009 и 2010 гг., в то время как на протяжении предыдущих лет различий между ними и формальными работниками не наблюдалось. Случайно занятые характеризовались более низкими самооценками благосостояния на протяжении большей части второй половины 2000-х гг. Это делало их схожими по данному показателю на экономически неактивное население, для которого в этот период были также характерны более низкие самооценки благосостояния. Безработные в свою очередь оценивали свое материальное положение ниже формальных работников во всех 11 волнах, представляя по своим самоощущениям самую бедную категорию населения по сравнению с формальными работниками.

Параметр *субъективной власти* показывает несколько иную картину. На протяжении всего анализируемого периода различий между самозанятыми и формальными работниками не наблюдалось: работники формального сектора и самозанятые одинаково позиционировали себя на этой шкале. В противоположность им – неформальные работники по найму оценивали свою «власть» значимо ниже и эти самооценки воспроизводились практически в каждой волне. Случайно занятые также демонстрировали более низкие самооценки власти по сравнению с формальными работниками, однако данные различия вновь оказались характерны только для второй половины 2000-х гг., и это сближало их с категорией экономически неактивных. Для безработных респондентов оказались характерны более низкие самооценки власти по сравнению с формальными работниками на протяжении всех 11 лет.

Анализ результатов регрессии по *параметру субъективного уважения*, которое респонденты испытывают к себе со стороны других, также позволил дифференци-

⁹ В качестве самооценки здоровья использовался ответ на вопрос «Были у Вас в течение последних 30 дней какие-либо проблемы со здоровьем?».

¹⁰ Результаты анализа приведены в таблице П2 Приложения в [Зудина 2013].

ровать различные категории статусов на рынке труда. Значимые различия между самозанятыми и формальными работниками наблюдались только в 2006 и 2010 гг., при этом самозанятые в этих волнах демонстрировали более высокие самооценки уважения; в остальные годы различия между самозанятыми и формальными работниками отсутствовали. Неформальные наемные работники на протяжении большей части 2000-х гг. оценивали уровень уважения, которое они испытывают к себе со стороны других, ниже, чем формальные работники, однако эти различия воспроизводились нерегулярно. Начиная с 2003 г., для случайно занятых также оказывались характерны значимо более низкие самооценки уважения по сравнению с формальными работниками (исключение составил 2005 г.). Как безработные, так и экономически неактивные на протяжении всего анализируемого периода отличались значимо более низкими самооценками уважения по сравнению с формальными работниками.

По параметру *уверенности в возможностях обеспечить себя самым необходимым* в ближайшем будущем самозанятые характеризовались более высокими оценками на протяжении большей части 2000-х гг., однако следует обратить внимание на тот факт, что эти различия не воспроизводятся от волны к волне – наблюдается «провал» в 2002, 2003 и 2005 гг., когда они незначимы. Разница в самооценках между неформальными наемными работниками и формальными работниками наблюдается только в 2010 г., неформальные работники по найму демонстрируют значимо более низкий уровень уверенности в обеспечении собственного ближайшего будущего. Важно, что в остальные годы формальные работники и неформальные работники по найму имеют схожие уровни уверенности в собственных возможностях, и с этим параметром субъективного социального статуса (не)формальность оказывается практически не связана. Нерегулярным работникам оказались свойственны значимо более низкие самооценки своих возможностей по сравнению с формальными работниками, данные различия воспроизводились практически на протяжении большей части 2000-х гг., однако и здесь наблюдаются отдельные годы-«провалы», когда различия были незначимыми. В этом смысле они вновь оказываются похожи по своим самооценкам на экономически неактивное население: безработные ниже оценивали свои возможности самообеспечения по сравнению с формальными работниками во всех 11 волнах.

Самозанятые респонденты *удовлетворены своим текущим материальным положением* значимо больше, чем формальные работники, и эти различия устойчиво воспроизводились в каждой из 11 волн. В противоположность им – различия между самооценками неформальных работников по найму и формальных работников были значимы только в 2009 и 2010 гг., когда неформальные наемные работники демонстрировали значимо более низкий уровень удовлетворенности. На протяжении всего предшествующего периода отсутствие официальной оформленности занятости никак не влияло на самооценки этого параметра субъективного социального статуса: нерегулярные работники практически всегда меньше удовлетворены своим материальным положением по сравнению с формальными работниками (но различия отсутствуют в 2001 и 2002 гг.) По этому параметру они также оказываются больше похожи на экономически неактивных, чем на безработных, а для последних значимые различия с формальными работниками были характерны на протяжении всего анализируемого периода. Вполне предсказуемо, что безработные значимо ниже оценивали свой уровень удовлетворенности текущим материальным положением.

Подводя итог этой части анализа, можно сказать, что выявленные устойчивые различия между самозанятыми и формальными работниками оказываются связа-

ны с «материальными» параметрами субъективного социального статуса – уровень благосостояния, возможность самообеспечения в будущем и удовлетворенность текущим материальным положением, и в этом самозанятые чувствуют себя значительно лучше формальных работников. Одновременно, при прочих равных условиях, формальные работники и самозанятые испытывают сходный уровень уважения к себе и обладают сопоставимыми ощущениями, касающимися дистанции до власти. Таким образом, неформальный характер трудовой деятельности самозанятых не связан с этими особенностями восприятия своего социального положения.

Восприятие собственного социального статуса у неформальных наемных работников представляет собой обратную картину: различий по «материальным» атрибутам субъективного социального статуса с формальными работниками практически нет. Уровень материального благосостояния неформальных работников по найму сопоставим с уровнем формальных работников, они испытывают сходный уровень удовлетворенности текущим материальным положением и примерно одинаково оценивают свои возможности самообеспечения, однако они ощущают себя значительно более бесправными и менее уважаемыми по сравнению с формальными работниками.

По своим самоощущениям нерегулярные работники являются одной из самых обделенных категорий неформальной занятости; по самооценкам они похожи на тех, кто не имеет доходов от занятости – на экономически неактивных и безработных. По сравнению с формальными работниками они ставят себя значительно ниже по всем пяти шкалам: они ощущают себя беднее, бесправнее, менее удовлетворенными текущим материальным положением и менее уверенными в возможностях обеспечивать себя в будущем, а также менее уважаемыми. Данные различия, тем не менее, наблюдаются не во все годы, что отличает эту категорию от безработных, для которых значимо более низкие самооценки по всем параметрам субъективного социального статуса были характерны на протяжении всего периода.

Обратимся теперь к результатам панельных регрессий с фиксированными эффектами, которые были оценены для всех статусов на рынке труда. Набор контролируемых переменных здесь был таким же, как и в случае с порядковыми пробит-моделями. Результаты расчетов представлены в *таблице 1*.

При контроле ненаблюдаемых индивидуальных характеристик различия между самозанятыми и формальными работниками по одному из «материальных» атрибутов субъективного социального статуса – показателю уверенности в будущем материальном положении – как для мужчин, так и для женщин, становятся незначимыми. Напомним, что анализ порядковых пробит-регрессий для кросс-секций выявил значимые, хотя и неустойчивые различия – самозанятые демонстрировали несколько большую уверенность в своих возможностях обеспечивать себя самым необходимым. Одновременно с этим самозанятые мужчины по-прежнему демонстрируют значимо более высокий уровень самооенок по двум другим материальным параметрам – субъективному благосостоянию и удовлетворенности текущим материальным положением. При прочих равных условиях при переходе из формальной занятости¹¹ в самозанятость самооценка благосостояния увеличивается на 0,18 балла.

¹¹ Несмотря на то, что формальная занятость является одним из наиболее стабильных состояний на российском рынке труда, она была выбрана в качестве отправной точки для анализа из-за того, что основной исследовательский интерес был сосредоточен на сравнении самооенок формальных и неформальных работников, а также ввиду многочисленности данной группы.

Таблица 1. МНК-модели с фиксированными эффектами, все статусы на рынке труда, РМЭЗ-НИУ ВШЭ, 2000–2010 гг.

Статус на рынке труда	Субъективное благосостояние		Субъективная власть		Субъективное уважение		Уверенность в возможности самообеспечения в будущем		Удовлетворенность текущим материальным положением	
	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se
МУЖЧИНЫ										
<i>Самозанятые</i>	0.181***	0.059	0.099	0.072	0.054	0.066	0.016	0.056	0.167***	0.046
<i>Неформальный найм</i>	-0.034	0.031	-0.083**	0.036	-0.091**	0.038	-0.070**	0.029	-0.020	0.025
Формальный сектор	<i>Базовый</i>									
Безработные	-0.422***	0.038	-0.313***	0.044	-0.330***	0.046	-0.422***	0.033	-0.499***	0.028
<i>Случайная занятость</i>	-0.173***	0.034	-0.166***	0.037	-0.092**	0.038	-0.200***	0.030	-0.256***	0.026
Экономически неактивные	-0.285***	0.029	-0.244***	0.033	-0.268***	0.036	-0.076***	0.026	-0.284***	0.023
N	48 955		48 468		47 823		49 324		49 534	
r2_w	0.015		0.016		0.008		0.012		0.033	
sigma_u	1.314		1.724		1.443		1.064		1.132	
sigma_e	1.120		1.302		1.335		1.028		0.893	
Rho	0.579		0.637		0.539		0.517		0.616	
ЖЕНЩИНЫ										
<i>Самозанятые</i>	0.069	0.068	-0.119	0.083	-0.029	0.084	0.007	0.067	0.119**	0.057
<i>Неформальный найм</i>	-0.057*	0.032	-0.136***	0.037	-0.039	0.038	0.019	0.028	-0.014	0.026
Формальный сектор	<i>Базовый</i>									
Безработные	-0.172***	0.036	-0.203***	0.040	-0.234***	0.042	-0.267***	0.027	-0.251***	0.026
<i>Случайная занятость</i>	-0.091**	0.037	-0.120***	0.042	-0.072*	0.043	-0.099***	0.031	-0.157***	0.029
Экономически неактивные	-0.089***	0.024	-0.112***	0.027	-0.170***	0.028	-0.055***	0.021	-0.096***	0.019
N	66 995		66 051		65 194		67 545		67 792	
r2_w	0.013		0.018		0.007		0.013		0.031	
sigma_u	1.198		1.352		1.437		1.031		0.925	
sigma_e	1.101		1.263		1.323		0.959		0.865	
Rho	0.542		0.534		0.541		0.536		0.533	

Примечание: контролируются уровень образования, возраст, семейное положение, тип населенного пункта, самооценка здоровья, число детей в домохозяйстве, логарифм душевого дохода, статус студента, статус пенсионера, федеральный округ, годовые дамми-переменные.

- * $p < 0.1$
 ** $p < 0.05$
 *** $p < 0.01$

Таблица 2. Модели Хаусмана-Тейлора, все состояния на рынке труда, РМЭЗ-НИУ ВШЭ, 2000–2010 гг.

Статус на рынке труда	Субъективное благосостояние		Субъективная власть		Субъективное уважение		Уверенность в возможности самообеспечения в будущем		Удовлетворенность текущим материальным положением	
	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se
МУЖЧИНЫ										
Самозанятые	0.188***	0.049	0.108*	0.056	0.053	0.060	0.016	0.046	0.167***	0.039
Неформальный найм	-0.036	0.027	-0.08**	0.031	-0.099***	0.034	-0.068***	0.026	-0.020	0.022
Формальный сектор	<i>Базовый</i>									
Безработные	-0.431***	0.033	-0.317***	0.037	-0.342***	0.040	-0.419***	0.030	-0.498***	0.026
Случайная занятость	-0.184***	0.028	-0.171***	0.032	-0.109***	0.035	-0.200***	0.026	-0.259***	0.022
Экономически неактивные	-0.299***	0.024	-0.253***	0.027	-0.283***	0.029	-0.069***	0.022	-0.280***	0.018
N	48 955		48 468		47 823		49 324		49 534	
Number of groups	12 405		12 375		12 327		12 465		12 501	
Wald_chi2	1062.01		1065.61		687.01		1129.01		1721.29	
Prob >chi2	0		0		0		0		0	
sigma_u	1.419		1.974		1.448		1.016		1.246	
sigma_e	1.120		1.302		1.334		1.027		0.893	
Rho	0.616		0.697		0.541		0.494		0.661	
ЖЕНЩИНЫ										
Самозанятые	0.066	0.061	-0.122*	0.070	-0.035	0.075	0.000	0.053	0.115**	0.048
Неформальный найм	-0.057**	0.029	-0.132***	0.033	-0.048	0.035	0.022	0.025	-0.012	0.022
Формальный сектор	<i>Базовый</i>									
Безработные	-0.171***	0.030	-0.200***	0.035	-0.239***	0.038	-0.259***	0.027	-0.245***	0.024
Случайная занятость	-0.093***	0.031	-0.117***	0.036	-0.080**	0.039	-0.097***	0.027	-0.154***	0.025
Экономически неактивные	-0.099***	0.019	-0.121***	0.022	-0.181***	0.024	-0.046***	0.017	-0.087***	0.015
N	66 995		66 051		65 194		67 545		67 792	
Number of groups	15 629		15 548		15 492		15 720		15 727	
Wald_chi2	1784.88		2246.85		783.01		1500.13		2365.54	
Prob >chi2	0		0		0		0		0	
sigma_u	1.285		1.412		1.486		1.020		0.940	
sigma_e	1.101		1.262		1.322		0.958		0.865	
Rho	0.577		0.556		0.558		0.531		0.531	

* p < 0.1

** p < 0.05

*** p < 0.01

При совершении аналогичного перехода значимо увеличивается и самооценка удовлетворенности текущим материальным положением по сравнению с формальными работниками – на 0,17 балла. Изменением других параметров субъективного социального статуса этот переход не сопровождается – по показателям власти и уважения значимых различий между самозанятыми и формальными работниками не наблюдается. Для женщин переход из формальной занятости по найму в самозанятость женщин сопровождается только значимым увеличением удовлетворенности текущим материальным положением (на 0,12 балла, что меньше, чем у мужчин), другие изменения в самооценках статуса отсутствуют. В этом отношении можно предположить, что мужчины вовлечены в более доходные и высококвалифицированные формы самозанятости, чем женщины.

Переход из формального найма в неформальный у мужчин не отражается на изменении самооценок «материальных» атрибутов субъективного социального статуса, однако влияет на самооценки власти (падение на 0,08 балла) и уважения (уменьшение на 0,09 балла), что согласуется с результатами предыдущего этапа анализа. Исключение составляет только показатель субъективного материального благосостояния: при переходе в неформальный найм он падает на 0,07 балла при прочих равных условиях. Отметим, что величина этого эффекта мала, хотя и статистически значима на 5%-м уровне. Аналогичный переход у женщин сопровождается значимым ухудшением самооценок власти (падение на 0,14 балла, что больше, чем у мужчин) и субъективного благосостояния (уменьшение на 0,06 балла).

Переход к нерегулярной занятости из формальной занятости сопровождается значимым ухудшением всех самооценок статуса как у мужчин, так и у женщин. При прочих равных условиях у мужчин самооценка благосостояния уменьшается на 0,17 балла, самооценка власти – на 0,16 балла, самооценка уважения – на 0,09 балла, самооценка уверенности в возможностях самообеспечения снижается на 0,2 балла, а удовлетворенность текущим материальным положением – на 0,3 балла. В этом отношении нерегулярные работники оказываются похожи на экономически неактивных респондентов, снижение самооценок которых при переходе из формальной занятости имеет примерно сопоставимый размер. При этом безработные представляются наиболее депривированной категорией населения, т.к. переход в безработицу из состояния формальной занятости оказывает на их самооценки наиболее значительный эффект. Важно отметить, что самооценки мужчин падают значительно, чем самооценки женщин по всем пяти индикаторам субъективного социального статуса – размер эффекта у мужчин больше во всех пяти спецификациях. Кроме того, для женщин данный переход сопровождается менее заметным падением субъективного уважения – различия оказываются значимыми только на 10%-м уровне.

Оценивание моделей Хаусмана-Тейлора для всех статусов на рынке труда (таблица 2) с использованием аналогичного набора контролирующих переменных позволяет провести своеобразный тест на устойчивость результатов, полученных при рассмотрении моделей с фиксированными эффектами.

Сравнивая таблицы 1 и 2, можно отметить, что описанные выше результаты моделей с фиксированными эффектами подтверждаются моделями Хаусмана-Тейлора. Размер эффектов также остается практически неизменным. Помимо этого, согласно моделям Хаусмана-Тейлора, самозанятые мужчины испытывают некоторое увеличение уровня субъективной власти, а самозанятые женщины – падение этого уровня по сравнению с ситуацией формальной занятости. Оба эти коэффициента были незначимы в моделях с фиксированными эффектами, однако

даже в моделях Хаусмана-Тейлора они значимы только на 10%-м уровне. Данные результаты также согласуются с предположением о принципиальных различиях в мужской и женской самозанятости, выдвинутых на этапе рассмотрения моделей с фиксированными эффектами.

На последнем этапе анализа модели с фиксированными эффектами были оценены только для занятых; в данной спецификации учитывались те же характеристики, что и на предыдущем этапе, но также вводились дополнительные переменные, контролирующие характер работы (отрасль занятости, специфический стаж, наличие второй работы, логарифм числа отработанных часов). В этом случае автор ограничилась тремя типами занятости (самозанятость, неформальный найм, формальная занятость), поскольку для нерегулярно занятых отсутствуют необходимые данные о характеристиках работы. Базовой категорией для сравнения вновь выступала формальная занятость (таблица 3).

В такой спецификации самозанятые мужчины отличаются ростом самооценок благосостояния (на 0,21 балла) и удовлетворенности текущим материальным положением (на 0,17 балла) при смене формального статуса. Что же касается самозанятых женщин, то они испытывают лишь большую удовлетворенность текущим материальным положением (на 0,16 балла), однако изменения в уровне субъективного благополучия отсутствуют. Помимо этого, как у мужчин, так и у женщин отсутствует значимая динамика в самооценках социального статуса по параметрам власти, уважения и уверенности в возможностях самообеспечения в будущем.

Для занятых женщин изменения во всех субъективных оценках статуса при переходе из формального в неформальный найм оказались незначимыми. Практически все различия в субъективном социальном статусе между неформальными наемными работниками и формальными работниками у мужчин также становятся незначимыми. Мужчины, совершающие соответствующий переход, испытывают некоторое падение самооценки уверенности в возможности обеспечивать себя самым необходимым в будущем (на 0,07 балла, значимо на 5%-м уровне). Изменениями по другим составляющим субъективного социального статуса данный переход не сопровождается.

Оценки моделей Хаусмана-Тейлора для занятых респондентов также согласуются с результатами оценивания моделей с фиксированными эффектами (таблицы 3 и 4), которые демонстрируют увеличение уровня субъективной власти для самозанятых мужчин (значимое на 5%-м уровне), уменьшение уровня субъективного уважения для самозанятых женщин (значимо только на 10%-м уровне) и уменьшение уровня субъективной власти для женщин, занятых неформальной работой по найму (также значимо только на 10%-м уровне). Перечисленные различия были незначимы в предыдущей модели, однако размер эффектов по-прежнему невелик.

Подводя итог проведенному пошаговому анализу, можно сказать, что он подчеркнул внутреннюю неоднородность неформальной занятости. Были выявлены значимые изменения в самооценках самозанятых при переходе из состояния формальной занятости, которые оказываются характерны в большей степени для мужчин; значимая динамика в самооценках неформальных работников по найму практически отсутствует; самооценки нерегулярных работников не поддаются более глубокому анализу из-за отсутствия всех данных, но они представляются наиболее уязвимой категорией неформальной занятости, т.к. их самооценки падают больше всего. Однако важно подчеркнуть, что размер выявленных различий во всех описываемых случаях очень мал.

Таблица 3. МНК-модели с фиксированными эффектами, только занятые, РМЭЗ-НИУ ВШЭ, 2000–2010 гг.

Тип занятости	Субъективное благосостояние		Субъективная власть		Субъективное уважение		Уверенность в возможности самообеспечения в будущем		Удовлетворенность текущим материальным положением		
	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	
МУЖЧИНЫ											
<i>Самозанятые</i>	0.213***	0.077	0.147	0.091	0.093	0.083	-0.054	0.077	0.173***	0.058	
<i>Неформальный наем</i>	-0.019	0.040	-0.053	0.046	-0.034	0.047	-0.071**	0.036	-0.013	0.033	
<i>Формальный сектор</i>	<i>Базовый</i>										
N	26 369		26 193		25 919		26 507		26 579		
r2_w	0.013		0.018		0.010		0.008		0.025		
sigma_u	1.374		2.120		1.400		1.079		1.173		
sigma_e	1.057		1.264		1.240		1.002		0.860		
Rho	0.628		0.738		0.560		0.537		0.650		
ЖЕНЩИНЫ											
<i>Самозанятые</i>	0.101	0.084	-0.007	0.101	-0.161	0.106	-0.010	0.074	0.162**	0.072	
<i>Неформальный наем</i>	0.027	0.041	-0.067	0.046	-0.032	0.050	0.058	0.035	0.012	0.033	
<i>Формальный сектор</i>	<i>Базовый</i>										
N	32 043		31 751		31 386		32 110		32 189		
r2_w	0.016		0.022		0.011		0.013		0.037		
sigma_u	1.159		1.348		1.385		1.013		0.901		
sigma_e	1.050		1.231		1.229		0.925		0.830		
Rho	0.549		0.545		0.559		0.545		0.541		

Примечание: контролируются те же переменные, что и в предыдущих моделях + отрасль занятости, специфический стаж, наличие второй работы, логарифм часов рабочей недели

* $p < 0.1$

** $p < 0.05$

*** $p < 0.01$

Таким образом, у нас нет оснований говорить о том, что на российском рынке труда неформальность выступает одним из механизмов социальной стратификации, относя неформальных работников к людям «второго сорта». Отсутствие значимых различий между самооценками большей части неформальных и формальных работников, небольшой размер эффекта перехода в различные состояния неформальной занятости из формальной, близкий средний уровень самооценок всех статусов на рынке труда не позволяют говорить о наличии четко отделенных друг от друга социально-экономических групп, а значит, – о выраженной связи неформальной занятости и социальной стратификации российского общества.

Таблица 4. Модели Хаусмана-Тейлора, только занятые, РМЭЗ-НИУ ВШЭ, 2000–2010 гг.

Тип занятости	Субъективное благосостояние		Субъективная власть		Субъективное уважение		Уверенность в возможности самообеспечения в будущем		Удовлетворенность текущим мат. положением		
	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	coef	se	
МУЖЧИНЫ											
<i>Самозанятые</i>	0.212***	0.062	0.149**	0.071	0.084	0.075	-0.054	0.060	0.173***	0.049	
<i>Неформальный наем</i>	-0.033	0.033	-0.061	0.039	-0.043	0.041	-0.075**	0.033	-0.016	0.027	
<i>Формальный сектор</i>	Базовый										
N	26 369		26 193		25 919		26 507		26 579		
Number of groups	8 155		8 143		8 113		8 185		8 198		
Wald_chi2	457		540.68		396.9		560.75		753.39		
Prob >chi2	0		0		0		0		0		
sigma_u	1.430		2.425		1.325		1.000		1.255		
sigma_e	1.056		1.263		1.239		1.001		0.859		
Rho	0.647		0.787		0.534		0.500		0.681		
ЖЕНЩИНЫ											
<i>Самозанятые</i>	0.089	0.076	-0.020	0.089	-0.168*	0.090	-0.020	0.067	0.156***	0.060	
<i>Неформальный наем</i>	0.009	0.035	-0.081*	0.041	-0.046	0.042	0.051	0.031	0.006	0.028	
<i>Формальный сектор</i>	Базовый										
N	32 043		31 751		31 386		32 110		32 189		
Number of groups	8 871		8 838		8 799		8 888		8 890		
Wald_chi2	794		913		444		931		1 478		
Prob >chi2	0		0		0		0		0		
sigma_u	1.155		1.327		1.379		0.951		0.850		
sigma_e	1.049		1.230		1.228		0.925		0.829		
Rho	0.548		0.538		0.558		0.514		0.513		

* $p < 0.1$ ** $p < 0.05$ *** $p < 0.01$

Заключение

Изучению последствий неформальной занятости для социального неравенства посвящены многие экономические и социологические исследования. Неоднородная структура видов деятельности, объединяемых в категорию неформальной занятости, определяет и неоднозначность ее последствий для экономики

и общества. В то время как предшествующие исследования были сосредоточены на изучении отдельных, не связанных друг с другом показателей (таких как удовлетворенность трудом и субъективное благосостояние), что затрудняло сопоставление полученных результатов, в настоящем исследовании предлагается новый подход, основанный на изучении различных показателей субъективного социального статуса, который ранее широко не использовался в исследованиях неформальной занятости. Тем самым предпринимается попытка расширить рамки анализа при помощи показателей, которые могут более полно охватить все многообразие возможных последствий неформальной занятости для социального положения работников.

На основе данных по России за 2000–2010 гг. было показано, что неформальная занятость не оказывает выраженного воздействия на систему социального неравенства; следует говорить лишь о более или менее выраженных различиях. На основе анализа самооценок социального статуса можно выделить три различных категории неформальной занятости:

- 1) самозанятые, самооценки которых значимо превышают аналогичные показатели для формальных работников;
- 2) неформальные наемные работники, которые практически значимо не отличаются по особенностям восприятия своего статуса от формальных;
- 3) нерегулярные работники, которые представляют собой наиболее депривированную категорию российской занятости, по самооценкам статуса похожие на экономически неактивное население.

Сравнение самооценок мужчин и женщин говорит о том, что самозанятые женщины представляют собой более уязвимую категорию занятости по сравнению с мужчинами: позитивная динамика самооценок социального статуса самозанятых женщин имеет гораздо менее выраженный характер по сравнению с аналогичными изменениями самооценок мужчин, которые предположительно оказываются вовлеченными в более доходные и высококвалифицированные формы самозанятости. Выраженные гендерные различия в самооценках неформальных наемных работников отсутствуют, а в группе нерегулярных работников наиболее чувствительную категорию составляют мужчины, которые характеризуются более выраженным падением по всем показателям субъективного социального статуса, чем женщины.

Перечисленные результаты представляют интерес для изучения российского рынка труда, занятости и субъективного социального статуса. Необходимо подчеркнуть, что значительная часть российского занятого населения не удовлетворена своим положением и характеризуется низкими самооценками своего статуса вне зависимости от того, является ли их занятость формальной или нет. В этом отношении важно подчеркнуть, что исследования субъективного социального статуса в России, проведенные для середины 1990-х – начала 2000-х гг., показывали такую же картину, и десятилетие устойчивого экономического роста никак не отразилось на восприятии социального статуса большей части российского населения, который по-прежнему остается крайне низким [Gross 2003; Kelley, Evans 2004].

Полученные результаты являются не столько характеристикой неформальной занятости на российском рынке труда, сколько индикатором качества институтов формального сектора, поскольку формальный сектор в восприятии работающего населения не связывается ни с возможностями улучшить свое благосостояние, ни с системой социальной защиты.

В значительной степени это объясняется особенностями российской модели рынка труда, которая характеризуется неблагоприятной институциональной средой и неэффективным государственным регулированием [Заработная плата в России... 2008; *Gimpelson, Kapeliushnikov* 2011]. С одной стороны, неполный информент трудовых договоров и контрактов, слабые институты выстраивания коллективно-договорного процесса, неопределенность и отсутствие понимания альтернатив, возникающее из-за непрозрачности российского рынка труда, приводят к тому, что формальная занятость лишается большей части своих преимуществ для работника. Формальный сектор не имеет возможности обеспечить институционализированную социальную защиту для своих работников; обесцениваются формальные контракты и правила; привязка зарплаты к результатам деятельности фирмы (а не к индивидуальной производительности) также способствует бедности работающего населения. А ведь именно работающие бедные составляют значительную часть всего российского малообеспеченного населения. Реальные трудовые права наемных работников формального сектора определяются волей работодателя и соотношением выгод и издержек следования трудовым нормам, а неправовые практики активно распространяются и в сфере формального найма [*Заславская, Шабанова* 2002]. «Деформализация формального» выступает одним из процессов, размывающих границу между формальным и неформальным на рынке труда [*Барсукова* 2003]. С другой стороны, и неформальная занятость уже давно является привычным явлением на российском рынке труда. Ее различные формы становились важной частью нестандартных инструментов подстройки в период трансформации нашей экономики и поэтому воспринимаются нормой трудовых отношений. Ее рост, продиктованный особенностями экономического развития, сам по себе не будет выступать механизмом консервации социальной уязвимости российских работников, для которых (не)формальность занятости оказывается не так уж принципиальна.

Литература

- Аистов А.В., Ларин А.В., Леонова Л.А.* (2012) Неформальная занятость и удовлетворенность жизнью: эмпирический анализ с учетом эндогенности // Прикладная эконометрика. № 2 (*Aistov A., Larin A., Leonova L.* (2012) Informal Employment and Life Satisfaction // *Prikladnaya econometrica*. No 2).
- Аистов А.В., Леонова Л.А.* (2011) Удовлетворенность жизнью и работой, связь с незарегистрированной занятостью. Серия препринтов WP15 «Научные труды Лаборатории исследований рынка труда». WP15/2011/04. М.: Изд. дом ВШЭ. (*Aistov A., Leonova L.* (2011) Life and Job Satisfaction: its Connection to Unregistered Employment. Working paper series WP15 of Higher School of Economics. WP15/2011/04. Moscow. Izdatelskii dom HSE).
- Барсукова С. Ю.* (2003) Формальное и неформальное трудоустройство: парадоксальное сходство на фоне очевидного различия // Социологические исследования. № 7 (*Barsukova S.* (2003) Formal and Informal Job Placement: Paradoxical Similarity Against the Obvious Differences // *Sociologicheskie issledovaniya*. No 7).
- Гимпельсон В. Е., Зудина А.А.* (2011) «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? // Вопросы экономики. № 10 (*Gimpelson V., Zudina A.* (2011) Informal Workers in the Russian Economy: Who Are They and How Many? // *Voprosi ekonomiki*. No 10).
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И.* (2012) Нормально ли быть неформальным? Серия препринтов WP3 «Проблемы рынка труда». WP3/2012/09. М.: Изд. дом ВШЭ (*Gimpelson V.,*

- Kapeliushnikov R.* (2012) Is it Normal to Be Informal? Working Paper Series WP3 of Higher School of Economics. WP3/2012/09. Moscow. Izdatelskii dom HSE).
- Заработная плата в России: эволюция и дифференциация (2008) М.: Изд. дом ВШЭ (Wages in Russia: Evolution and Differentiation (2008) Moscow. Izdatelskii dom HSE).
- Заславская Т. И., Шабанова М. А.* (2002) Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. № 6 (*Zaslavskaya T. and Shabanova M.* (2002) Unlawful Labour Practices and Social Transformations in Russia // Sociologicheskie issledovaniya. No 6).
- Зудина А.А.* (2013) Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России / препринт WP3/2013/01. М.: Изд. дом Высшей школы экономики (*Zudina A.* (2013) Informal employment and subjective social status: the case of Russia / Working paper series WP3 of Higher School of Economics. WP3/2013/01. Moscow. Izdatelskiy dom HSE).
- Синявская О.В.* (2005) Неформальная занятость в современной России: измерение, масштаб и динамика. Научные проекты НИСП – IISP Working Papers. WP5/2005/01 (*Sinyavskaya O.V.* (2005) Informal Employment in Modern Russia: its Definition, Scale and Dynamics. IISP Working Papers. WP5/2005/01).
- Adler N.E., Epel E., Castallazzo G., Ickovics J.* (2000) Relationship of Subjective and Objective Social Status With Psychological and Physiological Functioning: Preliminary Data in Healthy White Women // Health Psychology. No 19 (6).
- Alwin D.F.* (1987) Distributive Justice and Satisfaction with Material Well-Being // American Sociological Review. No 52 (1).
- Andrews D., Caldera Sánchez A., Johansson A.* (2011) Towards a Better Understanding of the Informal Economy. Organization for Economic Co-operation and Development. Economic Department Working Paper Series. Paper No. 873. ECO/WKP(2011)42.
- Bargain O., Kwenda P.* (2009) The Informal Sector Wage Gap: New Evidence Using Quantile Estimations on Panel Data. Paper prepared for IZA/Volkswagen Foundation Topic Week: The Political Economy of Labor Market Reform in Transition and Emerging Economies.
- Bernabe S.* (2008) Measuring Informal Employment in Transition Countries. Note Prepared for the WIEGO meeting on “Measuring Informal Employment in Developed Countries” 31 October-1 November 2008, Harvard University.
- Beuran M., Kalugina E.* (2006) Social Exclusion and the Informal Sector: The Case of Russia. Paris: Centre d’Economie de la Sorbonne, Université de Paris 1, CNRS.
- Braithwaite J.* (1994). From second economy to informal sector: The Russian Labour Market in Transition. ESP Discussion Paper No 58.
- Brown R.A., Adler N.E., Worthman C.M., Copeland W.E., Costello E.J., Angold A.* (2008) Cultural and Community Determinants of Subjective Social Status among Cherokee and White Youth // Ethnicity & Health. No 13 (4).
- Cameron A.C., Trivedi P.K.* (2005) Microeconometrics. Methods and Applications. New York: Cambridge University Press.
- Cassar L.* (2010) Revisiting Informality: Evidence from Employment Characteristics and Job Satisfaction in Chile. Oxford Poverty and Human Development Initiative (OPHI) Working Papers. WP No. 41 (November).
- Centers R.* (1949) The Psychology of Social Classes: A Study of Class Consciousness. Princeton: Princeton University Press.
- Della Fave L.R.* (1980) The Meek Shall Not Inherit the Earth: Self-Evaluation and the Legitimacy of Stratification// American Sociological Review. No 45 (6).
- Demakakos D., Nazroo J., Breeze E., Marmot M.* (2008) Socioeconomic status and health: the role of subjective social status // Social Science and Medicine. No 67(2).
- Falko P.* (2011) Determinants of Income in Informal Self-employment: New Evidence from a Long African Panel. In 6th IZA/World Bank Conference: Employment and Development. Online conference materials.

- Ferrer-i-Carbonell A., Gerxhani K.* (2011) Financial Satisfaction and (in)formal Sector in a Transition Country // *Social Indicators Research*. No 102 (2).
- Fields G.S.* (1990) Labour Market Modeling and the Urban Informal Sector: Theory and Evidence / In D. Turnham, B. Salome, A. Schwartz (eds.) *The informal sector revisited*. Paris: OECD.
- Franzini L., Fernandez-Esquer M.E.* (2006) The Association of Subjective Social Status and Health in Low-Income Mexican-Origin Individuals in Texas // *Social Science & Medicine*. No 63.
- Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I.* (2011) Labor Market Adjustment: is Russia Different? Серия препринтов WP3 «Проблемы рынка труда». WP3/2011/04. М.: Изд. дом ВШЭ (Working paper series WP3 of Higher School of Economics. WP3/2011/04. Moscow. Izdatelskii dom HSE).
- Goldman N. Cornman J.C., Chang M.* (2002) Measuring Subjective Social Status: A Case Study of Older Taiwanese. Office of Population Research Working paper series. Working Paper No. 2005-02. Princeton: Princeton University.
- Gross M.* (2003) Educational Systems and Perceived Social Inequality: The Institutional Base for Class Formation // *European Societies*. No 2 (5).
- Jackman M.R.* (1979) The Subjective Meaning of Social Class Identification in the United States // *Public Opinion Quarterly*. No 43 (4).
- Jackman M.R., Jackman R.W.* (1973) An Interpretation of the Relation between Objective and Subjective Social Status // *American Sociological Review*. No 38.
- Kelley J., Evans M.D.R.* (1995) Class and Class Conflict in Six Western Nations // *American Sociological Review*. No 60.
- Kelley J., Evans M.D.R.* (2004) Subjective Social Location: Data from 21 Nations // *International Journal of Public Opinion Research*. No 16 (1).
- Kluegel J.R., Singleton R., Starnes C.E.* (1977) Subjective Class Identification: A Multiple Indicator Approach // *American Sociological Review*. No 42.
- Kluegel J.R., Smith E.R.* (1981) Beliefs About Stratification // *Annual Review of Sociology*. No 7.
- Knudsen K.* (1988) Class Identification in Norway: Explanatory Factors and Life-Cycle Differences // *Acta Sociologica*. No 31 (1).
- Kolev A.* (1998) Labour Supply in the Informal Economy in Russia during Transition. CEPR Discussion Paper No. 2024. London: CEPR.
- Kopp M.S., Skrabski A., Kawachi I., Alder N.S.* (2005) Low socioeconomic status of the opposite sex is a risk factor for middle aged mortality // *Journal of Epidemiology and Community Health*. No 59(8).
- Laumann E.O., Senter R.* (1976) Subjective Social Distance, Occupational Stratification, and Forms of Status and Class Consciousness: A Cross-National Replication and Extension // *American Journal of Sociology*. No 81 (6).
- Leggett J.C.* (1963) Working-Class Consciousness, Race, and Political Choice // *American Journal of Sociology*. No 69 (2).
- Lewis L.* (1964) Class and the Perception of Class // *Social Forces*. No 42 (3).
- Lindemann K.* (2007) The Impact of Objective Characteristics on Subjective Social Position // *Trames*. No 11.
- Maloney W.F.* (2004) Informality Revisited // *World Development*. No 32 (7).
- Molnar G., Kapitany Z.* (2010) Unreported Income, Education and Subjective Well-Being. Institute of Economics, Hungarian Academy of Sciences. IEHAS Discussion Papers. DP No 1027.
- Ossowski S.* (1963) Class Structure in the Social Consciousness. London: Routledge & Kegan Paul.
- Ostrove J.M., Adler N.E., Kuppermann M., Washington A.E.* (2000) Objective and Subjective Assessments of Socioeconomic Status and Their Relationship to Self-rated Health in an Ethnically Diverse Sample of Pregnant Women // *Health Psychology*. No 19(6).
- Pages C., Madrigal L.* (2008) Is Informality a Good Measure of Job Quality? Evidence from Job Satisfaction Data. Research Department by Inter-American Development Bank Working Paper Series. WP No. 654. Washington, DC: Inter-American Development Bank.

- Perry G.E., Maloney W.F., Arias O.S., Fajnzylber P., Mason A.D., Saavedra-Chanduvi J.* (2007) Informality: Exit and Exclusion. Latin America and the Caribbean Studies Report. Washington, DC: The World Bank.
- Qu Xiao-bo* (2012) Wage Gap between Formal Employment and Informal Employment: Based on income inequality decomposition of informal heterogeneity // *South China Journal of Economics*. No 30(4).
- Reitzel L.R., Mazas C.A., Cofta-Woerpel L., Vidrine J.I., Businelle M.S., Kendzor D.E., Li Y., Cao Y., Wetter D.W.* (2007) Acculturative and neighborhood influences on subjective social status among Spanish-speaking Latino immigrant smokers // *Social Science & Medicine*. No 70.
- Reza Arabshuibani G., Staneva A.* (2012) Is There an Informal Employment Wage Premium? Evidence from Tajikistan. IZA Discussion Paper. No. 6727.
- Rose D., Pevalin D.J.* (2001) The National Statistics Socio-economic Classification: Unifying Official and Sociological Approaches to the Conceptualisation and Measurement of Social Class. ISER Working Papers. Paper 2001-4 Colchester: University of Essex.
- Sakurai K., Kawakami N., Yamaoka K., Ishikawa H., Hashimoto H.* (2010) The Impact of Subjective and Objective Social Status on Psychological Distress among Men and Women in Japan // *Social Science and Medicine*. No 70.
- Shankar A., McMunn A., Steptoe A.* (2010) Health-related behaviors in older adults: Relationships with socioeconomic status// *American Journal of Preventive Medicine*. No 38(1).
- Shepelak N. J.* (1987) The Role of Self-Explanations and Self-Evaluations in Legitimizing Inequality // *American Sociological Review*. No 52 (4).
- Singh-Manoux A., Adler N.E., Marmot M.G.* (2003) Subjective Social Status: Its Determinants and Its Association with Measures of Ill-Health in the Whitehall II Study // *Social Science & Medicine*. No 56(6).
- Slonimczyk F.* (2011) The Effect of Taxation on Informal Employment: Evidence from the Russian Flat Tax Reform. Серия препринтов WP3 «Проблемы рынка труда». WP3/2011/05. М.: Изд. дом ВШЭ (Working Paper Series WP3 of Higher School of Economics. WP3/2011/05. Moscow. Izdatelskii dom HSE).
- Special Focus: Inequality in Emerging Economies (2011) / *Divided We Stand: Why Inequality Keeps Rising*. OECD Report.
- Tannuri-Pianto M., Pianto D.M.* (2002) Informal Employment in Brazil: A Choice at the Top and Segmentation at the Bottom: A Quantile Regression Approach. Working paper. No 236. Department of Economics, University of Brasilia.
- Tansel A., Kan E.O.* (2012) The Formal/informal Employment Earnings Gap: Evidence from Turkey. MPRA Paper No. 38498.
- Temkin B.* (2009) Informal Self-Employment in Developing Countries: Entrepreneurship or Survivalist Strategy? Some Implications for Public Policy // *Analyses of Social Issues and Public Policy*. No 9 (1).
- Wachsberger J.-M., Razafindrakoto M., Roubaud F.* (2010) Job Satisfaction and Informal Sector in Vietnam / *International Conference about the Informal Sector & Informal Employment: Statistical Measurement, Economic Implications and Public Policies*. Online conference materials.
- Weber M.* (1966) *Class, Status and Party* / Bendix R., Lipset S.M. (eds) *Class, Status and Power*. New York: Free Press.
- Wooldridge J.M.* (2002) *Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data*. Cambridge, MA; London, UK: The MIT Press.
- World Development Report 2013: Jobs. World Bank. 2012. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-0-8213-9575-2